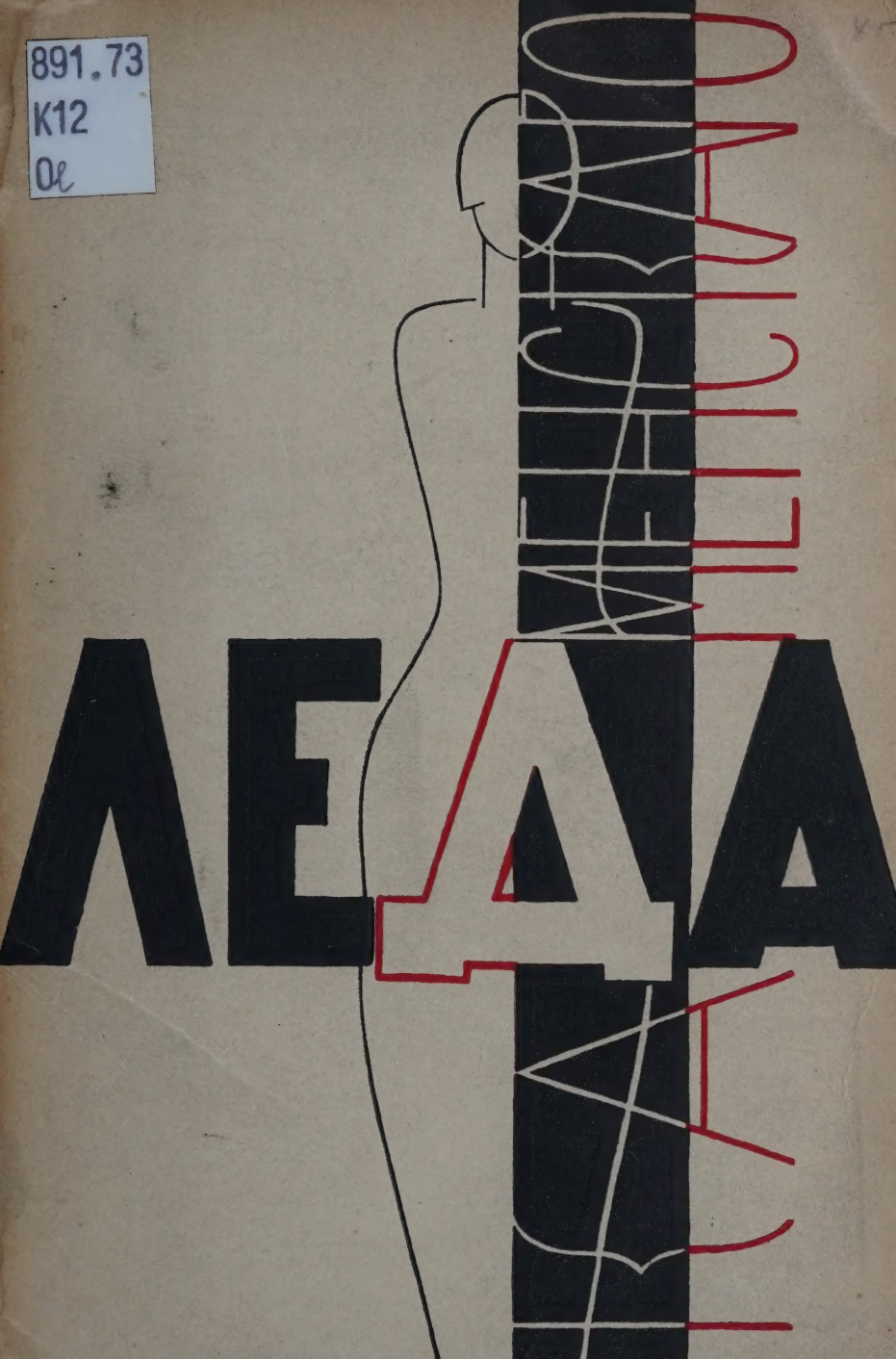
891.73
K12
Ol



MAURICE GNESIN

Kameusky
"Zeda"

Printed in
Germany.

Anatoli Kamenskiy

АНАТОЛИЙ КАМЕНСКИЙ

RETURN TO
MAURICE GNESIN
Director, LITTLE THEATER
Room 16 Merle Bldg.
DULUTH, MINN.

ЛЕДА

Leda

ПЬЕСА В 4 ДЕЙСТВИЯХ

MAURICE GNESIN

ИЗДАНИЕ Т-ВА И. БЛАГОВ
БЕРЛИН

Все права, а также право перевода сохранены за издательством

Постановка пьесы на сцене автором запрещается

Copyright by Blagoff, Berlin

Alle Rechte vorbehalten

*

Типография К. Г. Редера, общ. с огр. отв. в Лейпциге.

891.73
K12
Ol

Гордому подвигу моей жены
артистки В. А. Костровой
первой истинной Леды
на русской сцене
посвящаю эту
книгу

*

ЛЕДА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДАНЧИЧ
ЛЕДА
КЕДРОВ
ВОЛОДЯ
ОН
АЛЬБЕРТ
ГЕМБА
РУСАНОВ

ДЕИСТВИЕ I

Оранжерея в квартире Данчича и Леды, обращенная в салон. Множество цветов. Слева, за столом, гости в разгаре пиршества. Справа на диванчике Леда, против нее Кедров.

ЛЕДА

Слышите, Кедров, я не хочу, чтобы вы меня называли Еленой Александровной. Вы, кажется, знаете, что меня зовут Ледой. Не Еленой, а Ледой.

КЕДРОВ

Леда. Как это красиво: Леда . . . У вас лиловые глаза. Клянусь вам Богом, совершенно лиловые.

ЛЕДА

Ну и что-же, это вам нравится? Или это вам отравляет существование?

КЕДРОВ

Конечно, отравляет. Клянусь вам Богом.

РУСАНОВ

Альберт, скажите речь. Я ужасно люблю, когда говорят речи.

КЕДРОВ и ВСЕ

Пожалуйста, просим, просим.

АЛЬБЕРТ

Хорошо, я готов. Жизнь может быть прекрасной только тогда, когда нет ни учителей, ни учеников, вернее есть только одни ученики и притом каждый учится у самого себя, у своего ума и своего тела. Если бы совсем исчезли так называемые педагоги, то мир вырос и расцвел бы в несколько лет. Остались бы одни бессмертные учители, запечатлевшие свой гений в кусках мрамора и в холстах, в трагедиях и сонетах, в математических формулах и псалмах. Люди учились бы на ходу — в театрах, музеях, цветущих парках, на улицах и площадях, а всех этих педагогов с лошадиными физиономиями успешно могли бы заменить граммофоны и волшебные фонари. Жизнь должна быть сплошным праздником ума и тела. Я верю, что через тысячу лет жизнь каждую минуту будет красивой, неожиданной, бесстыдно-смелой, и я пью за будущий великий праздник человечества на земле.

ВСЕ

Браво, браво.

КЕДРОВ

Замечательно, клянусь вам Богом. Именно: великий праздник человечества. Если бы вы знали, господа, как мне приятно чувствовать себя снова в вашей среде. Шутка сказать: восемь месяцев строить окаянную дорогу, по колена в болоте, за сто тысяч верст от культурных людей. Когда после этого я увидал в первый раз заголовок какой-то провинциальной газетки, то я заплакал, клянусь вам Богом. *(Русанову):* Вы мне кажется, что-то хотели сказать *(отходят в сторону).* Пожалуйста, сделайте ваше одолжение *(дает деньги).*

РУСАНОВ

(Возвращаясь к столу). Ерунда, есть гениальные, талантливые, сумасшедшие, самоотверженные, храбрые люди, какие хотите, но честных людей нет. *(Володе):* И я вам скажу, юноша, почему: честных людей нет потому, что нет людей искренних. Ибо честность есть не что иное, как искренность.

ВОЛОДЯ

Ну, это опять парадоксы. Впрочем хорошо, а Христос?

РУСАНОВ

А вы заглядывали в душу Христу?

ВОЛОДЯ

Помилуй Бог, что вы проповедуете: ведь религия, приблизительно, и есть искренность, потому, что она стремится к единому источнику, к Богу? Бог-то ведь, приблизительно, один?

РУСАНОВ

Как раз наоборот: человек, приблизительно, один, а Богов — великое множество.

ГЕМБА

(Леде): Таким образом становится совершенно ясно, что между Настасьей Филипповной в „Идиоте" и Грушенькой в „Братьях Карамазовых..."

ЛЕДА

Послушайте, Достоевский, пойдите в тот конец к студенту Володе и передайте ему, что вы мне ужасно надоели и что я прошу его пересесть на ваше место сюда.

ДАНЧИЧ

(Монотонно, ни к кому не обращаясь). Людей не существует, жизни не существует, ни-

чего не существует. Прошлого нет, потому что его нет, будущего нет, потому что оно не наступило, а настоящее — фикция, бесконечно малая величина, посредством которой будущее переливается в прошедшее. Что-же дает человеку ощущение жизни? Только одно: память о прошлом. Что-же в таком случае смерть? Отсутствие памяти о прошлом. Ибо смерть есть такое состояние, когда человек взял и решительно все перезабыл.

ВОЛОДЯ

(Подходя к Леде). Вы меня звали?

ЛЕДА

Звала. Отчего вы сами до сих пор не подошли? Хотите вина?

ВОЛОДЯ

Я ничего не пью.

ЛЕДА

Это очень хорошо, Володя, что вы ничего не пьете, душитесь дорогими духами, носите красиво-сшитое платье и что у вас нежный девичий подбородок. Вероятно, и тело у вас белое и нежное, как у девушки. Только, отчего вы такой молчаливый, робкий? Никогда, ничего не нужно стыдиться в молодости. Извольте

сейчас же сделать бесстыдные глаза. Ну! Смотрите на меня прямо. Ну, вот, теперь хорошо и даже пожалуй слишком. Капитон, послушай, Капитон, Данчич, скажи Володе, что ты разрешаешь ему ухаживать за мной сколько угодно.

ДАНЧИЧ

Все понятно, — жизнь понятна, бесконечность понятна, природа понятна, и загадочен только сам человек. Господам беллетристам, историкам и психиатрам следовало бы помнить, что с Рождества Христова и до сегодняшнего вечера ими решительно ничего не прибавлено нового к тому, что называется психологией человека. Разрабатывали на все лады психологию больших и малых поступков и неуклонно направляли жизнь путем сужений, ограничений и запрещений. И в конце концов уперли человечество в плоскую железную дверь.

ЛЕДА

Перестаньте, Володя. Вы напрасно поверили, что за мной нужно ухаживать. *(Продолжает, дурачась).* Знайте, что народился новый тип женщины, женщины — Дон-Жуана. И перед вами представительница этого типа. Женщина должна наконец добиться одинакового с муж-

чиной права искать, завоевывать, брать, а не уступать так называемым мольбам. И близко время, когда мы, женщины, крутя воображаемый ус, будем свободно расхаживать в толпе, а стыдливые юноши, подобные вам, Володя, будут кокетничать, краснеть, говорить томными голосами. Как это будет забавно! Ха-ха-ха... *(Обращает лицо к Кедрову)*. Вот, например, наш милый Кедров. Целый вечер смотрит на меня влюбленными глазами и воображает, что это страшно оригинально и прямо в цель. Старо, голубчик, старо. Если бы у вас было не это круглое, обветренное лицо и не этот нестерпимо-счастливый вид, то может быть вы бы сидели рядом со мной. А теперь место занято Володей.

КЕДРОВ

Тем не менее, я влюблен в вас, клянусь вам Богом. У меня сегодня сумасшедший вечер. То что делаете и говорите все вы, похоже на какую-то оригинальную симфонию, в которой боишься пропустить какую-нибудь ноту. И я спрашиваю самого себя: зачем я всю жизнь работал, строил железные дороги, а главное чего-то боялся и каждую минуту оглядывался назад. Зачем, если жизнь в самом деле мираж, фикция, бесконечно-малая неуловимая величина, и даже ваши удивительные, лиловые, сияющие

против меня глаза — одна из очаровательнейших ошибок моей памяти. Господа, завтра же я накуплю книг, картин, устрою у себя артистическую обстановку, и все вы новые истинно-свободные люди будете приходить ко мне, как в свой дом, клянусь вам Богом.

ЛЕДА

Как здесь накурено! Володя, дайте мне руку. Капитон, я беру Володю к себе, а ты можешь делать что тебе угодно.

(Уходят по ступенькам в глубину сцены через корридорчик, примыкающий к прихожей).

ДАНЧИЧ

Отбросьте исторію, забудьте привычку, забудьте проклятое общее благо и вернитесь к человеку. Вся разгадка — в тайниках моей или твоей души. Не нужно множества людей, не нужно толпы, а нужен только один сидящий в темной комнате человек.

РУСАНОВ

Россия, я вам скажу, страна векового рабства, рабства, возведенного в культ. В России все пропитано рабством: рабское небо, рабские облака. *(Гембе):* послушай, доктор, как ты думаешь, если здоровому организму системати-

чески прививать рабство, то через сколько лет его можно считать безнадежно отравленным? Например, через пятьсот, через тысячу лет? А знаете что, господа, не перебраться ли нам к „Медведю“?

ГЕМБА

(Цепляясь за Русанова, с пьяными слезами). У Достоевского, у Федора Михайловича, в „Сне смешного человека“ есть одно место . . . нет, тебе, волосатому, этого не понять, какая там рисуется природа, какие чувства . . . Ты говоришь, к „Медведю“, а разве мы сейчас не у „Медведя“?

РУСАНОВ

У „Медведя“? Если Данчич медведь, то пожалуй . . . Пойдем, пойдем профессор, зарапортовался совсем. *(Уходят все, кроме Кедрова).*

ДАНЧИЧ

Не хочу, не хочу, не нужно жизни, не нужно людей, не нужно света *(встает, подходит к выключателю, поворачивает его, в комнате полумрак).* Дайте мне темную комнату, дайте мне темную комнату. *(Кедров хочет проститься с ним).* Что такое? А, это вы, Кедров? Не уходите. Вы кажется умеете молчать.

КЕДРОВ

Я право не знаю . . . И притом уже пятый час утра.

ДАНЧИЧ

Замолчите, замолчите. Сядьте куда-нибудь. *(Кедров, прежде чем сесть, делает два шага по направлению к корридорчику, в котором скрылись Леда с Володей и откуда по временам слышатся аккорды рояля и серебристый смех Леды).* Только не заглядывайте в другие комнаты, потому что вы можете помешать Леде наслаждаться жизнью. Она так же, как и вы, думает, что жизнь — далеко не фиктивная величина. Видит всю радость в том, что судьба наградила ее красивым телом, и готова любоваться им в зеркало целый день. Устроила себе из квартиры оранжерею, где цветут цветы и она. *(Садится рядом с Кедровым).* Слушайте, я хочу с вами говорить. Думали ли вы, почему человек всю жизнь живет рабом, и с чего нужно начинать освобождение человечества на земле. Нужно освободить мысль, ибо человек и мысль — одно. И пока порабощена мысль — человек жалкий, презренный раб. А знаете ли вы, что̀ поработило мысль? Человеческое общество и больше ничего. Нужно уничтожить общество. Нужно лишить людей права сближаться между собою или выстроить столько

же одиночных тюрем, сколько людей. Ибо когда встречаются два человека, они уже мелкие трусы и рабы. Каждый думает про другого: „а что у него в голове?“ Или еще хуже: „можно ли, хорошо ли, законно ли?“

КЕДРОВ

(Прислушиваясь к звукам рояля и порываясь в глубину квартиры). Вы, Капитон Капитоныч, человек необыкновенного ума, но мне кажется, что вы немного далеки оть жизни . . . *(Опять смех Леды).* И я думаю, я думаю . . . *(нюхает одно из цветущих растений, уставившись глазами в пустоту корридора).*

ДАНЧИЧ

Какое мне дело до того, что сейчас думаете вы, какое мне вообще дело до вас, а вам до меня. Надо иметь мужество быть одинокими, т.-е. свободными, всю жизнь. Ведь вы не полезете за мною в гроб, да если бы и полезли, то я посмотрел бы, как это можно умирать вдвоем.

КЕДРОВ

(Прислушиваясь к музыке или смеху). Господи, как душно! Какой безумный запах! Где Леда? Где Леда?

ДАНЧИЧ

(Капризно). Не нужно фактов, не нужно логики, не нужно слов. *(Вдохновенно).* Ищите новых путей, страшных путей. Найдите в мыслях своих, в глубине себя темное поле и темную ночь, забудьте жизнь, оставьте позади себя людей, чувства, ваши собственные тела и с проклятием, очертя голову, устремитесь вперед . . . Кедров, *(Кедров вздрагивает)* пойдите сюда, пойдите сюда скорей. Чего вы испугались? Дайте мне ваши руки. Вы чувствуете два тела: мое и ваше? Ага . . . А вы чувствуете две мысли: мою и вашу . . . Вот мы сплели пальцы, и вы различаете себя и меня. А если бы нам удалось сплести наши мысли — свободные, безгранично-смелые, если бы великое множество людей, вдруг освободившись от всего что знает и к чему привыкло, могло соединиться в одну грандиозную мысль *(его глаза мечтательно устремлены вперед, веки медленно падают, созерцание переходит в сон).*

КЕДРОВ

(Освободив руки от рук Данчича). Какой запах, какая мучительная тишина! . . Леда! Леда! . . *(Видит что-то ослепительное в глубине корридора).* Что это? *(бежит и прячется в угол оранжереи).*

ЛЕДА

(Идя совершенно обнаженная позади Володи через корридор в прихожую и останавливаясь близ ступенек оранжереи). Вы никогда к нам больше не придете, Володя, я никогда вас не позову . . . А может быть позову завтра.

ВОЛОДЯ

За что вы меня гоните? Я не знал, что вы такая жестокая, злая.

ЛЕДА

Что это, вы плачете? Бедный мальчик! Хотите яблоко на дорогу? *(Сходит по ступенькам в оранжерею, берет со стола яблоко, поднимается обратно).* Ну, одевайтесь скорее, мне хочется спать. Скорей, скорей . . . Интересно знать, чье это пальто? Кто еще засиделся с Капитоном? Подождите . . . целуйте руку . . . Довольно. Думайте, что это ваш последний поцелуй *(Володя уходит).* Капитон, *(возвращается в оранжерею)*, почему вы сидите без огня? *(Поворачивает выключатель и освещает комнату).* А, это вы, Кедров? Данчич наверное заснул, что же вы не уходите домой? . . Боже мой, как вы ошеломлены. Представьте себе, какой ужас, — я осмеливаюсь ходить у себя дома так, как мне нравится. Я влюблена в свое тело и позволяю на него смотреть другим.

Боже, какая я преступница! Сейчас вы уйдете домой, но на минуту вам разрешается присесть и выпить глоток вина. *(Дает ему бокал и отходит к окну, сквозь которое уже розовеет утро).* Жизнь должна быть красивой, Кедров, и в том, что я делаю нет положительно ничего оригинального и смелого. Забудьте о том, что сегодня весь вечер вы слышали звонкие, эффектные слова, попробуйте быть просто искренним и спросите себя, может ли женщина, с прекрасным молодым телом, не стыдясь, не преследуя никаких целей, появляться обнаженная в толпе? Конечно, может и даже смешно говорить, как это старо и просто. Однако, все признают и никто не делает. Запрятали тело в полотняные, шелковые мешки, опозорили его альковом, сделали предметом низменного любопытства. А потом умирают от испуга при виде женщины, об'явившей войну мещанам и ханжам. Почему вы все молчите, Кедров? Будьте же наконец свободны. Не отводите глаз.

КЕДРОВ

Я сейчас сойду с ума . . . Вы — богиня. Простите мне избитые, пошлые слова. Я глубоко уважаю вас и если я потрясен, то одной неожиданностью . . . Извините, я больше не могу говорить.

ЛЕДА

Добрый, славный Данчич прочел вам лекцию о величии мысли, об освобождении ее из плена логики и знаний, и заснул. Умный, искренний, безтелесный, обожаемый мною Данчич раз навсегда позабыл о том, что на свете два прекрасных человека и две прекрасных свободы: человек — мысль и человек — тело. И как уродовалась мысль, прогоняемая сквозь строй запретов и перегородок, так уродовалось и огаживалось тысячелетиями тело. Я презираю вашу отвратительную комнатную любовь с ее приспущенными фитилями ламп, презираю ваш узаконенный прозаический разврат с его так называемыми медовыми месяцами и первыми ночами, презираю ничего не выражающие уличные слова „любовница“ и „любовник“. И как вам, мещанам, с надутыми лицами, стыдно видеть ваших голых жен и дочерей, так мне стыдно при одной мысли, чтобы я позволила когда-нибудь умолять себя о поцелуях, позволила бы дрожащими руками раздевать себя *(Кедров делает движение к ней)*. Вижу по вашим глазам, что вы сейчас подумали о Володе. Володя — милый, чистый, неиспорченный мальчик. Володя — мгновение. Он плакал от восторга целуя мои колени, это были случайные прикосновения цветка. И конечно он не мог быть моим любовником и никогда им не

будет. И никто из вас трусливых, комнатных людей . . . Потому что самый умный и самый глупый из вас одинаково пошлы с первых шагов. И все вы любите один процесс раздевания, а не любовь. Отсюда — и стыд, и мещанское лицемерие, и ханжество. Помните, Кедров, что только мужчина будет виноват в том, что на земле навеки умрет любовь, что она выродится в мелкое автоматическое любопытство и перестанет быть великой тайной и великим культом. Ну . . . буржуа, давайте чокнемся за великий культ и за моего будущего . . . сообщника, за нового, мудрого, свободного человека. А теперь вам нужно отправляться домой. Пожалуйста хорошенько захлопните за собою дверь. *(Поднимается на одну ступеньку).*

КЕДРОВ

Боже мой, подождите . . . у меня кружится голова. Откуда вы, кто вы? . . точно века промчались мимо меня, оставив меня одного посреди пустыни . . . у меня нет голоса к вам, нет слов.

ЛЕДА

Не надо слов, они не дойдут до меня.

КЕДРОВ

Не уходите, побудьте еще минуту.

ЛЕДА

Мне скучно. Разве вам может быть приятно, если я останусь для вас, а не для себя? *(Уходит).*

КЕДРОВ

(Бросаясь за ней). Леда! Леда! *(Падает на стул, рыдает).*

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ II

Любимая комната Леды, с большим занавесом алькова (с левой стороны). Тут же письменный столик и два кресла. Справа — громадное окно в сад, распахнутое, залитое солнцем. У окна широкое ложе, покрытое тканями, подушками и звериными шкурами. Прямо дверь в проходной салончик. Направо двер в комнату Данчича. При поднятии занавеса, смех Леды. Она, небрежно обмотанная в газовое покрывало, играет в мяч (большой, яркий) с Володей, сидящим против нее на пуфе.

ЛЕДА

(Бросая мяч). Володя маленький. *(Бросая снова).* Володя глупенький. *(Бросая снова).* Володя трусливенький. *(Бросая снова).* Володя несчастненький. Ловите счастье, Володичка. *(Бросает мяч выше его головы. Володя не поймал).* Ну, где вам! конечно не поймали. *(Смеется).*

ВОЛОДЯ

Вы нарочно бросили мне через голову, чтобы я не поймал.

ЛЕДА

Вы ошибаетесь. У вас просто не хватило храбрости протянуть руки повыше . . . Бедный мальчик! Счастье дается только храбрым.

ВОЛОДЯ

(Делая движение к ней). Да? . . Это правда? . . Всегда? . .

ЛЕДА

Что вы хотите сказать?

ВОЛОДЯ

И счастье любви? . . Счастье взаимности? . .

ЛЕДА

Я думаю . . . Я не знаю . . . Вероятно. Но ведь вы же трусишка. Володя . . . Вы никогда не решитесь . . . Скажите, вы целовали когда-нибудь женщину . . . в губы?

ВОЛОДЯ

(Смущенно). Да . . . т.-е. нет.

ЛЕДА

Как же это — и да и нет? А-а . . . я понимаю. Вы не решались . . . Женщина целовала вас сама. Я угадала?

ВОЛОДЯ
Да.

ЛЕДА
Она подходила к вам, наклонялась, запрокидывала вам голову и впивалась в ваш рот своим . . . а вы были почти в обмороке с закрытыми глазами, остановившимся сердцем, белым, белым лицом . . .

ВОЛОДЯ
Леда, вы опять мучаете меня.

ЛЕДА
Разве? Вам неприятно? Вам больно? Я хотела только сказать, что таких мужчин, как вы, никогда не любят. Их только ласкают . . Просто забавляются, пока . . . не надоест.

ВОЛОДЯ
Но ведь они . . . они любят . . . они умеют любить.

ЛЕДА
Вы думаете? . . а я думаю, что нет, не умеют . . . Любить значит мучить, Володичка. И взаимность, о которой вы говорите, есть взаимное мучительство, взаимная пытка . . . Вы понимаете меня?

ВОЛОДЯ

Н-нет.

ЛЕДА

Что-же тут непонятного? Так всегда происходит и в жизни, и в романах. Он мучает ее, она — его, оба счастливы . . .

ВОЛОДЯ

Значит вы . . . значит вы и Капитон Капитонович *(останавливается)*.

ЛЕДА

Продолжайте же, чего вы испугались?

ВОЛОДЯ

Простите меня.

ЛЕДА

Трусишка. Я и Данчич любим друг друга иначе . . . мы обожаем друг друга, и один для другого всегда, понимаете вы, всегда — недосягаемая мечта.

ВОЛОДЯ

Да, это правда. Я забыл . . .

ЛЕДА

Что вы забыли?

ВОЛОДЯ

Что вы никогда не целуетесь с ним.

ЛЕДА

(Смеется долго). Вы очень умную вещь сейчас сказали, Володя. Это, конечно, вышло нечаянно. Потому что Володя глупенький, глупенький . . . как четырнадцати летняя девочка . . .

ВОЛОДЯ

Мне никто, кроме вас, не говорил, что я глупый . . . Я не умею быть умным с вами . . . т.-е. я не хочу и мне очень трудно . . . *(сбивается).*

ЛЕДА

Что трудно? . . . Вы напрасно обиделись . . . И в конце концов, что такое умный, глупый . . . Очень умные люди чаще говорят глупости, чем . . .

ВОЛОДЯ

А я сказал по вашему очень умную вещь и притом нечаянно . . . Значит . . .

ЛЕДА

Ну, не капризничайте . . . В той области, о которой мы говорили, мы одинаково глупы . . .

Четырнадцатилетняя девочка — это я... Но... не мы виноваты, что нам слепеньким, запуганным, неумудренным приходится брать в руки драгоценную чашу . . . И что мы знаем о ней? . . . Чаша полна и только . . .

ВОЛОДЯ

Вы сегодня какая-то новая . . . Вы, как невеста.

ЛЕДА

Да, я скоро стану невестой.

ВОЛОДЯ

Его? Данчича?

ЛЕДА

(После паузы). Нет.

ВОЛОДЯ

Чьей же?

ЛЕДА

(Дурачась). Может быть, вашей.

ВОЛОДЯ

Ах, я знал, что вы опять . . . ударите меня. Прощайте *(хочет уйти).*

ЛЕДА

(Проводив его глазами до порога арки). Пойдите сюда. Слышите! *(Володя возвращается).* Сядьте тут. Хотите, я вас приласкаю . . . глазами. Только вы не зажмуривайтесь, терпите . . . Ну . . . *(Смотрит долго, то приближает свое лицо, то отдаляет. Володя с мучительным стоном тянется к ней . . . Она дерет его за уши).* Не сметь, не сметь, не сметь, не сметь.

Справа входит Данчич, останавливается на пороге. Леда, видя его, продолжает драть Володю за уши. Володя наконец вскакивает сконфуженно, делает шаг в сторону Данчича, расшаркивается и, схватив фуражку, убегает. Данчич подходит к Леде, целует ей руку. Леда тоже целует ему руку несколько раз и пристально всматривается в его лицо.

ЛЕДА

Что это, почему ты такой желтый? Ты опять не спал ночь?

ДАНЧИЧ

Я не заметил. Разве уже поздно? Ты давно встала? У меня сдвинуты портьеры, горит электричество.

ЛЕДА

Двенадцать часов, я скоро поеду кататься. Ты не жалешь себя.

ДАНЧИЧ

Не надо . . . Зачем?

ЛЕДА

Жизнь — фикция, жизни не существует? *(С обожанием):* дорогой мой.

ДАНЧИЧ

(Ходит по комнате). Сегодняшняя ночь дала мне очень много и в то же время я боюсь, что она отняла у меня все. Я не знаю, счастлив я или нет. Я закончил свою книгу об освобождении мысли. Леда, я сделал титаническое дело. Я освободил мысль. Я разрушил все путы и все преграды, я вывел мысль на светлый простор, я подвел ее к светлой, блистающей бездне . . . И я заглянул в эту бездну, Леда.

ЛЕДА

Ты — великий человек. Я горжусь тобою.

ДАНЧИЧ

(Остановившись перед нею). Я жалкий, ничтожный червяк, я бессильная пушинка над пустотою . . . Я боюсь, что сегодняшняя ночь — ночь великой лжи. *(Садится напротив и поникает головой).*

ЛЕДА

Капитон! Что ты говоришь! Ты устал, переутомился, тебе надо лечь спать.

ДАНЧИЧ

Нет, нет. Я не хочу спать, я не устал. Мой мозг накален до-бела. Мне все стало до ужаса ясно. Я просто не предвидел того тупика, который вдруг загородил мне дорогу. Я освободил мысль от рабства факта, от рабства логики, от рабства привычки, от всего, что заслоняло от нее Бога. Но... ты понимаешь, Леда... в цепях и заблуждениях мысли была огромная творческая работа, было вдохновение фанатизма, была поэзия ошибки... Одним словом — было счастье. Теперь передо мною пустыня. Мне нужно писать новую книгу. Я не знаю о чем, — о воле, о творчестве, о свободе?...

ЛЕДА

Конечно. Чем же ты так удручен? Ты пойдешь дальше. Новая работа окрылит тебя. Ты будешь опять счастлив, как весь этот год.

ДАНЧИЧ

Не знаю. Тогда я верил, а вдруг теперь все окажется ложью, ничем... Я верил в то,

что нет ничего, кроме мысли, что мысль — Бог. Я освободил мысль, но не увидел Бога. Я думаю, что скоро мне станет скучно.

ЛЕДА

Я понимаю тебя, о, я понимаю тебя.

ДАНЧИЧ

Ты понимаешь? Скажи мне, как ты меня понимаешь?

ЛЕДА

Я понимаю по своему: в ту ночь, когда я познакомилась с Кедровым, я ему говорила, что на свете два прекрасных человека, две прекрасных свободы: человек — мысль и человек — тело. Мы с тобою полюсы, Капитон, мы близки, потому что мы противоположны. И я понимаю тебя потому, что мне тоже ... скоро станет скучно...

ДАНЧИЧ

Но отчего же, отчего?

ЛЕДА

Как тебе сказать... Ты будешь очень удивлен. Я... я замерзаю в лучах своей красоты. Я почувствовала это, вернее оформила свое чувство, как раз сейчас, в разговоре с тобой...

Капитон! Я так же, как и ты была полна до опьянения своей идеей, и я не знала скуки... Но вот я уже начинаю спрашивать себя. Что же дальше? Что дальше? Капитон! Мне надоела моя красота.

ДАНЧИЧ

Что ты говоришь, Леда? Как ты можешь это говорить.

ЛЕДА

Ты верил, ты всегда верил, что я прекрасная, живая статуя. Совсем недавно, когда я дразнила Володю, клеймила мещанство за его лицемерие и трусость и в особенности два года тому назад, когда я оттолкнула от себя любимого человека и соединилась с тобою, я верила в это тоже... Но я уже перестаю верить... Я начинаю думать...

ДАНЧИЧ

Говори, говори же.

ЛЕДА

Я начинаю думать, что я самая обыкновенная женщина, Капитон!

ДАНЧИЧ

Что ты хочешь этим сказать?

ЛЕДА

Ты услышишь очень банальные вещи... вещи, которых раньше я не могла бы произнести без чувства возмущения и стыда. А сейчас мне нисколько не стыдно. Что со мною? Четверть часа тому назад, дурачась с Володей, я вдруг почувствовала... нет, мне все-таки стыдно... Мне захотелось поцеловать его... Я конечно овладела собою и, как всегда, выдрала его за уши. Ты вошел в это время. Что, если бы ты не вошел... я не знаю, я не уверена...

ДАНЧИЧ

Леда! Я не понимаю тебя, подожди... Ты точно раскаиваешься в чем-то... Ну, хорошо. Ты его бы поцеловала. Тебе бы это доставило радость?..

ЛЕДА

Не знаю... Впрочем, все это ужасно невинно. Но... Я вообще изменилась. Многое мне уже не кажется тривиальным, пошлым. Вчера я перечитывала один французский роман и поймала себя на этой мысли... Я думаю о мужчине. Да, я все время думаю о мужчине.

ДАНЧИЧ

Это очень хорошо.

ЛЕДА

Хорошо? Почему хорошо?

ДАНЧИЧ

Все, что ты делаешь, хорошо. Все, что тебе диктует твоя красота.

ЛЕДА

Постой, я буду исповедываться дальше. Дай мне твою руку *(целует ее).* Ты помнишь, что меня соединило с тобой? Твое абсолютное равнодушие ко мне, как к женщине, твоя особенная любовь... Помнишь мой ужас перед зверем, которого я увидала в том человеке, в моем женихе? Сказать тебе всю правду?

ДАНЧИЧ

Скажи.

ЛЕДА

Я больше не испытываю ужаса. Все происшедшее между мною и им, наш разрыв... кажутся мне теперь чем-то почти непонятным. Ты слушаешь меня, тебе интересно слушать?

ДАНЧИЧ

Почему ты спрашиваешь?

ЛЕДА
У тебя иногда такое выражение лица, как будто ты не слышишь меня и думаешь о другом.

ДАНЧИЧ
Мне кажется, что ты все-таки как будто оправдываешься в чем-то . . . А между тем область ощущений, о которых ты говоришь — совершенно автономна. Никто не имеет права судить о ней. Любовь одного тела к другому — великая тайна. Мне больно, что ты действительно исповедываешься передо мной. Мне кажется, что ты усумнилась во мне.

ЛЕДА
Но от тебя у меня никогда не было тайн.

ДАНЧИЧ
Они еще будут.

ЛЕДА
От тебя?

ДАНЧИЧ
Да, от меня.

ЛЕДА
Никогда.

ДАНЧИЧ

Ты не поняла меня. Я хочу, чтобы они были. Я хочу, чтобы ты была абсолютно свободна.

ЛЕДА

Капитон! Это оттого, что ты не любишь меня.

ДАНЧИЧ

Я люблю тебя!

ЛЕДА

Но тебе неинтересно то, что меня волнует. Ты знаешь, что̀ мне сейчас должен сказать Кедров? Тот человек ищет встречи со мной. Он познакомился с Кедровым и просил ввести его к нам. *(Звонок)*. Это Кедров... Он сейчас скажет мне...

ДАНЧИЧ

Мне он тоже нужен, я просил его об одном деле.

ЛЕДА

Да... Но послушай... Я не могу без тебя решить... Может быть, нужно передумать.

ДАНЧИЧ

А вот и Кедров.

КЕДРОВ

(Входя). Здравствуйте, мои дорогие. Не видел вас полтора дня и бесконечно соскучился, клянусь вам Богом. Здравствуйте, Леда. Здравствуйте, Капитон Капитоныч, родной... Орхидеи, глубокоуважаемая, я вам откопал в одном, представьте, совсем маленьком садоводстве, клянусь вам Богом. Хозяин сам оказался любителем. А кактусов, которые вы просили, нет... И не будут, нужно выписать из Японии... А с вами, Капитон Капитоныч, у меня совсем серьезный разговор.

ЛЕДА

Ну, пока вы переговорите, я побегу, оденусь... Пора ехать кататься *(бежит босиком на цыпочках в спальню).* Вы не уходите, Кедров!

КЕДРОВ

(Влюбленно). Разве я могу, помилуйте, клянусь вам Богом. *(Леда исчезает).* Капитон Капитоныч, я ставлю вопрос ребром. Вы верите в мою дружбу?

ДАНЧИЧ

Верю.

КЕДРОВ
Верите в то, что многие дела, я со своим практическим опытом понимаю лучше, чем вы?

ДАНЧИЧ
Верю.

КЕДРОВ
Откажитесь от продажи вашей Петергофской дачи.

ДАНЧИЧ
Почему?

КЕДРОВ
Потому что это безумие, клянусь вам Богом.

ДАНЧИЧ
Но почему безумие? Вы говорили с Купчинским? Сколько он предлагает?

КЕДРОВ
Семьдесят пять тысяч.

ДАНЧИЧ
Великолепно, великолепно.

КЕДРОВ
Через два года вы продадите ее за полмиллиона.

ДАНЧИЧ
А теперь? . .

КЕДРОВ
Теперь . . . Капитон Капитоныч, вы верите в мою к вам любовь?

ДАНЧИЧ
Верю.

КЕДРОВ
Возьмите у меня в долг 75000.

ДАНЧИЧ
Нет, я этого не люблю . . . Я не умею.

КЕДРОВ
Позвольте, да что-же тут уметь, клянусь вам Богом.

ДАНЧИЧ
Я продам дачу и сяду писать новую книгу. Так спокойнее.

КЕДРОВ
Господи, как-же вы не понимаете. Ну, заложите ее у меня. По крайней мере всегда сможете на ней пожить, уединиться. Вы же любите эту дачу.

ДАНЧИЧ

Люблю. Но закладывать я тоже не умею. Надо ехать к нотариусу . . . Нет, ради Бога увольте. Продавайте Купчинскому поскорее.

КЕДРОВ

Я привезу к вам нотариуса на квартиру. Наконец выдайте доверенность вашей жене. Ну, мало ли способов.

ДАНЧИЧ

Кедров, Кедров! Я устал, я не могу больше об этом говорить . . .

КЕДРОВ

Капитон Капитоныч, я сейчас заплачу, клянусь вам Богом. Вы обижаете меня. Вы знаете, что кроме вас и вашей жены у меня нет никого на всем белом свете, и вы не позволяете мне услужить вам. *(Кричит сквозь портьеру алькова):* глубокоуважаемая, помогите мне справиться с вашим мужем. Хочет продавать Петергофскую дачу, когда это совершенно невозможно.

ЛЕДА

(Из-за портьеры). Я ничего не понимаю в этих делах.

КЕДРОВ

Позвольте, кто-же будет понимать. Муж не понимает, жена не понимает . . .

ЛЕДА

Сделайте сами, как найдете более умным.

КЕДРОВ

Вот я-же это и предлагаю, клянусь вам Богом. Пусть Капитон Капитоныч доверится мне, уговорите вы его.

ЛЕДА

(Выходя). Капитон, отчего ты не хочешь? Сделай так, как тебе советует Кедров.

ДАНЧИЧ

Я устал, я пойду лягу. Не будите меня к обеду. *(Уходит).*

КЕДРОВ

Я заплàчу, клянусь вам Богом.

ЛЕДА

(Значительно). Что он вам сказал?

КЕДРОВ

Сказал, что хочет продать дачу Купчинскому за 75 тысяч.

ЛЕДА

Вы все о том же. Что вам сказал этот человек? Садитесь *(садится на край ложа)*.

КЕДРОВ

Извините, я вас сразу не понял. Он сказал, что раз вы ничего не имеете против его визита, то он заедет сам без меня.

ЛЕДА

Когда?

КЕДРОВ

Сегодня в час дня.

ЛЕДА

А теперь сколько?

КЕДРОВ

(Смотрит на часы). Теперь час.

ЛЕДА

Что же вы. Надо было мне раньше сказать. А вы кактусы, орхидеи . . . Какие-то продажи . . . Что же делать? . . Почему вы тут сидите? Ах, да . . . о чем мы говорили? Я хорошо сегодня одета, это платье мне к лицу?

КЕДРОВ

Вы необыкновенно интересны сегодня, клянусь вам Богом.

ЛЕДА

Для вас я всегда необыкновенно интересна. Даже не стоит спрашивать. А скажите, вы когда виделись с ним? Вчера?

КЕДРОВ

Вчера. Мы ужинали в клубе.

ЛЕДА

Пили вино?

КЕДРОВ

Выпили две бутылки.

ЛЕДА

Так много! . . Он бритый?

КЕДРОВ

Я не понимаю . . .

ЛЕДА

Что вы не понимаете? Когда я была с ним знакома, он брил бороду и усы. А теперь как?

КЕДРОВ

Ах, Боже мой, бритый, совсем бритый. Похож на актера . . . Ему рассказывали — это же все знают — как вы . . . то-есть о вашей идее. Он расспрашивал меня. Я сказал, что при мне никогда . . . Одним словом . . . *(Путается, умолкает).*

ЛЕДА

Как вам не стыдно. Я ничего ни от кого не скрываю. Вы должны были сказать правду. Какое же впечатление произвели на него эти пересуды?

КЕДРОВ

Он очень заинтригован. Говорит, что это совершенно не вяжется с его представлением о вас.

ЛЕДА

Вот как. Положим . . . Который час?

КЕДРОВ

Десять минут второго.

ЛЕДА

Когда раздастся звонок, вы уйдете.

КЕДРОВ

Хорошо.

ЛЕДА

Вы не обижайтесь. Вы хороший. Но ведь вы раб. Правда?

КЕДРОВ

Правда, клянусь вам Богом.

ЛЕДА

Какой у вас загробный голос. *(Ходит по комнате. Пауза. Звонок).* Уходите. *(Кедров уходит, через пол-минуты в дверях появляется ОН).*

ОН

(С порога). Можно?

ЛЕДА

(Делает движение рукой). Подождите, подождите.

ОН

Слушаю-с. Здравствуйте, Елена Александровна.

ЛЕДА

Не двигайтесь. Стойте так *(всматривается в него пристально, долго).*

ОН

Извините, я не понимаю. Вы хотите снять с меня фотографию?

ЛЕДА

Фотографию? Какие глупости . . . Вот так вы всегда останавливались на пороге два года тому назад. Потом, быстро шли ко мне . . . Идите.

ОН

(Быстро подходя). Да, да, так было два года тому назад. Здравствуйте же, Елена!

ЛЕДА

(Протягивает ему руку, он целует). Постойте... Мне нужно . . . Я не могу уловить . . . Ваш приход каждый раз был для меня огромной радостью . . . Я не могу уловить момента, когда . . .

ОН

Когда вы возненавидели меня?

ЛЕДА

Да. Постойте. Отойдите назад.

ОН

(Отступая). Как странно. Мы точно репетируем какую-то пьесу.

ЛЕДА

Вы правы. Мы репетируем. После двух лет сомнений, колебений . . . Помните, как мы

познакомились с вами в белую ночь, после заката солнца? . . Оркестр играл вальс из „Лебединого Озера“, и облака, как розовые лебеди, плыли над взморьем, Вы шли прямо на меня и улыбались . . . Помните ваши первые слова?

ОН

Не совсем. Кажется, я сначала извинился . . .

ЛЕДА

(Перебивая). Вы остановились и сказали: „Мы незнакомы, но мне не страшно“. Я видела только ваши глаза. Они были совсем детские. Это меня поразило. Я протянула вам руку и мы пошли по берегу быстро, быстро . . .

ОН

(Делая шаг). Елена!

ЛЕДА

Подождите. Я хочу вспомнить все наши свидания, все, все . . . Какая весна! Какие ночи . . . Это было выдумкой сумасшедшего поэта . . . Все было не настоящее, вырезанное ножницами из шелка — розового, серебряного, темно-зеленого и золотого . . . Помните — то золотая, то розовая луна? . . Мы не хо-

дили, мы летели куда-то вместе с розовыми лебедями . . . И вдруг началось. Помните наш первый и последний спор?

ОН

Помню, но это не было спором. Мы просто не понимали друг друга. Вы разделяли понятия, которых не нужно разделять . . . Любовь, страсть . . .

ЛЕДА

Да, я разделяла . . . Я разделяю и теперь . . . Но молчите, молчите . . . Все равно я любила вас, хотя и не понимала . . . Мы перестали спорить. Вы сжались и притаились, как тигр перед прыжком. Я даже начала называть вас тигром . . . И вот накануне нашей свадьбы, когда я стояла перед зеркалом почти нагая, вы вошли ко мне в комнату. Просто, совсем просто . . . Вы думали обмануть меня своим размеренным спокойствием . . . Молчите, молчите . . . Я помню этот момент вспыхнувшей жгучей ненависти . . . Я увидела звериные искры в ваших глазах и только нечаянно не убила вас. Боже мой, Боже мой! . . Теперь я вспомнила и поняла все!

ОН

(Еще не улавливая ее идеи). Я боюсь вас.

ЛЕДА

Не бойтесь, я поняла себя, только себя. Я хотела проверить себя, вспомнить себя прежнюю, другую . . . Милый тигр, вы не догадываетесь? . . Елена — новая, совсем другая . . . Не бойтесь же . . . Подойдите. Скорее, скорее.

ОН

Елена. Я не верю . . . Можеть быть, вы мстите. Но нет, ваши глаза не лгут, не могут лгать. Елена! *(Бурно бросается к ней, падает на колени, обнимает ее ноги).* Елена! Моя Елена!

ЛЕДА

(Гладя его волосы). Милый, вернулся, опять со мною твои страшные детские и звериные глаза . . . Смотри же, смотри на меня. Я не боюсь тебя . . . Видишь, я не боюсь тебя.

ОН

(Поднимаясь с колен). Елена!

ЛЕДА

Я люблю тебя, я люблю тебя *(сливаются в поцелуе).*

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ III

Декорация II действия. При поднятии занавеса, в комнате лунный полусвет. Вдали слышен голос Кедрова: „С-святилище богини . . . храм красоты". *Кедров совершенно пьяный с бокалом в руке ломится в комнату (сквозь дверь справа), Данчич, тоже с бокалом, его удерживает.*

КЕДРОВ

Переступлю . . . Хочу и переступлю . . . Порог святилища богини моего сердца . . .

ДАНЧИЧ

Вы пьяны, Кедров! вы ужасно глупы и разговорчивы, когда вы пьяны. По-моему, вам надо ехать домой спать.

КЕДРОВ

То-есть почему? А если я не желаю. Клянусь вам Богом. Я хочу умереть на ступенях храма . . . Как распростер . . . как распростра . . . как верный раб. *(Проходит через комнату к письменному столику, ставит*

на него бокал. Данчич за ним, также ставит бокал и зажигает настольную лампочку. Свет). Выпьем, Капитон Капитоныч, за богиню. Вы — великий человек, вы — гений, но вы не чувствуете. Клянусь вам Богом. А я, я сейчас преклоню колена . . . Возьму и преклоню. *(Хочет стать на колени перед альковом. Данчич оттаскивает его и сажает в кресло у столика).*

ДАНЧИЧ

Хоть по крайней мере садитесь. Каке вам не стыдно . . . Ворвались в спальню Леды. Безобразничаете . . . Это конечно факты не имеющие никакого значения . . . Но вы ужасно много говорите, а главное ужасно скучные вещи.

КЕДРОВ

Хотите я вам ручку поцелую *(тянется, Данчич не позволяет)* . . . Капитон Капитоныч, родной . . . Разве я сам не понимаю, что я пьяное ничтожество . . . Но я не могу . . . Клянусь вам Богом. Я по утрам, вместо чаю, дую стаканами коньяк . . . Понимаете не могу . . . Ничего не могу . . . Не могу жить и не могу ум-мереть . . . Вот сейчас одиннадцать часов, а в восемь они уехали кататься . . . И ее нет . . . Вам все равно . . . А почему? Почему вы не страдаете? А?

ДАНЧИЧ

Какое вам до всего этого дело? Вы — чудак. Леда уехала кататься со своим другом, со своим бывшим женихом, ей весело с ним, она уже не скучает и не томится по вечерам. Причем тут вы?

КЕДРОВ

Капитон Капитоныч. Клянусь вам Богом. Убейте меня, прогоните вон, сделайте со мною что угодно . . . Я сейчас ничего не боюсь. Это хорошо, что я пьян. Зато я все могу сказать. И скажу. Я влюблен, понимаете, влюблен, как сто тысяч чертей в вашу жену. И уже давно — с самого приезда из Сибири . . . Я не осмелюсь никогда признаться ей самой, а вам как на духу . . . Клянусь вам Богом. Я не могу жить и не могу умереть . . . А теперь я вижу, я все понимаю и вижу . . . Теперь скоро конец.

ДАНЧИЧ

Какой конец? Что вы видите? Какой вы скучный Кедров! Пойдемте лучше в оранжерею, нас давно ждут . . . там осталось наше вино.

КЕДРОВ

Не могу, не могу, я хочу оросить слезами чистоту . . . Богиня! Леда! Богиня! . .

ДАНЧИЧ

Не кричите вы. Она может сейчас вернуться. Ей будет неприятно, что вы опять пьяны, да еще в ее спальне.

КЕДРОВ

Ее спальня! Клянусь вам Богом. Чистая голубица, чистая и невинн . . . Довольно! Все ложь! И я лгу! Лгу, как подлец! . . Она говорит ему „ты“! Я подслушал, когда они садились в коляску . . . Не за себя страдаю, за вас страдаю! . . Клянусь вам Богом. Она невиновата, а его надо убить. Он околдовал ее . . . Это циник, развратный человек . . . Про него говорят в клубе . . .

ДАНЧИЧ

Я ничего не хочу слушать.

КЕДРОВ

Капитон Капитоныч. Я знаю, что вы всегда выше всего. И ваша жена — богиня, клянусь вам Богом. *(Володя появляется на пороге).* Я ничего дурного. Я только . . .

ВОЛОДЯ

Капитон Капитоныч! Вас ждут, меня послали . . .

КЕДРОВ

(Не слыша и наступая на Данчича). Я не все вам сказал... Они целовались... Я видел. Она любит его... А он — животное, зверь... Он ради спорта, чтобы потом рассказывать в клубе... Понимаете?.. Что он первый... Из спорта, для коллекции, клянусь вам Богом.

ВОЛОДЯ

(Бросается на Кедрова). Негодяй, мерзавец, как вы смеете!.. Я вам по физиономии дам!

КЕДРОВ

(Отступая). Что? Чего? Мне?

ВОЛОДЯ

Да, вам. Вы осмелились говорить мерзости... Да знаете ли вы... Да как вы могли, как повернулся ваш пьяный язык?..

КЕДРОВ

Это ты все мне? Мне? Мальчишка! Я тебе уши оборву... Ты кто такой? Я не позволю...: Я инженер путей сообщения! А ты кто?

ВОЛОДЯ

Это все равно. Вы не смеете, слышите вы, не смеете, не смеете, не смеете. *(Почти плачет).*

ДАНЧИЧ

Довольно, Володя. Уходите отсюда.

КЕДРОВ

(Нападая на Володю). Я ему сейчас. Я ему уши оборву. *(Володя отходит в сторону и падает в кресло, закрыв лицо руками).*

ДАНЧИЧ

(Заслоняя Володю). Кедров, Кедров, перестаньте... Как вам не противны эти крики, эти вульгарные слова... Если вы хоть немного уважаете меня, уесжайте домой спать. Или ложитесь у меня в кабинете. Ну, пойдемте, голубчик, я вас очень прошу.

КЕДРОВ

(Трезвея). Нет, извините, теперь, когда всякий щенок... Меня, верного рыцаря... Не позволю... Мальчишка!... Меня, по физиономии... За нее, за богиню... Меня, который готов всю жизнь на коленях... Какой-то студентишка, вздыхатель несчастный... Я подумать не смею о ней, во сне увидать, просыпаюсь со страху, а меня мерзавцем за это...

Данчич держит его за руки. В дверях появляется Русанов, за ним Гемба.

РУСАНОВ

Господа! В чем дело? Что у вас тут такое?

ДАНЧИЧ

Ничего. Успокойтесь, Кедров. Я, наконец, серьезно прошу вас.

КЕДРОВ

Капитон Капитоныч! Родной мой! *(Хватает его за руки, чтобы поцеловать).* Убейте меня сейчас, убейте. *(Плачет на груди у Данчича).*

РУСАНОВ

Ничего не понимаю. Кричали, как зарезанные, теперь один в углу, другой ревет белугой. Данчич, конечно, непроницаем... Достоевщина какая-то.

ГЕМБА

У Достоевского, у Федора Михайловича...

ДАНЧИЧ

Профессор. Необходимо нашего Кедрова успокоить... Я этого не умею... Возьмите его от меня.

РУСАНОВ

(Стараясь оторвать Кедрова от Данчича). Пойдем, пойдем, выпьем, старик... Что это с тобой за наказание в последнее время. Как напьется, так в слезы. *(Ведет под-руку к дверям).*

ГЕМБА

(Поспевая с другого бока). У Федора Михайловича, помните, Митя Карамазов во время попойки в Мокром... *(Уходят).*

ДАНЧИЧ

(После паузы, тихо подходит к письменному столику Леды, машинально передвигает бумаги, берет в руки свой портрет в рамке). Странные люди. *(Володя поднимает голову).* Один боится увидеть женщину во сне, но не боится самого грубого и дикого вмешательства в ее жизнь... Другой мечтает о женщине и во сне и наяву, готов умереть за ее прикосновение, за ничтожную ласку, но не допускает и мысли о том, что рядом с нею может оказаться... не он. Я думаю, Володя, что из вашей и Кедрова неправоты, одна простительна, а другая нет. *(Опускается в кресло).*

ВОЛОДЯ

Я знаю... Я забылся. Моего поведения нельзя простить...

ДАНЧИЧ

Зачем так мрачно... Кто будет прощать? Леда? Я?.. К одним бессмысленным фактам прибавлять другие?.. Не в этом дело. Выходка ваша бессмысленна, нелогична, особенно

же, как всегда, бессмысленны и нелогичны слова... Но в основе всего этого лежит удушенная словами и действиями правда. Эта правда...

ВОЛОДЯ

(Умоляюще). Не говорите, не говорите...

ДАНЧИЧ

Не бойтесь. Это сложнее, чем вы, вероятно, думаете. Вам стыдно, но тут ничего нет стыдного. Вы еще не знали любви. Леда первая и пока единственная женщина, которая... окружена для вас мучительной, страшной невыносимой тайной. Как бы вы ни гнали от себя кощунственных желаний, они вьются около вас, прежде всего потому, что они кощунственны... Вы, как девушка... Леда, девушка тоже. Когда вы вместе, и вы, и она...

ВОЛОДЯ

(Закрывает лицо руками). Капитон Капитонович, умоляю вас...

ДАНЧИЧ

Ну, все равно. Это не самое главное... Не главная ваша вина. Да даже и не вина... Это вы себя сами считаете виноватым... Но что, если Леде суждено жестокое разочарование,

если Кедров окажется прав... Вы не будете чувствовать себя виноватым, действительно виноватым и больше всех?... Понимаете вы меня?

ВОЛОДЯ
Нет.

ДАНЧИЧ
Вы отошли от нее совсем... Как будто устранили себя... Вы мучаетесь теперь... Но ведь раньше вы почти все время были вместе...

ВОЛОДЯ
Елене Александровне больше некогда быть со мною.

ДАНЧИЧ
Почему же вы так безропотно отступили?

ВОЛОДЯ
Я не знаю.

ДАНЧИЧ
Мне кажется, что если бы вы... Помните тот день, когда я вошел вот сюда *(кивает на ложе)* и вы сконфуженно убежали? Это была роковая для вас черта. Я это знаю... Я скажу вам больше, хотя наверное все уже

поздно. Нужно было поверить тому звенящему золотому огню, который начал сходить на вас. Ведь и вы и она уже обжигали о него губы... Как неожиданно это оборвалось для вас. Я думаю, что вы пропустили только одну секунду.

ВОЛОДЯ

Капитон Копитонович. *(Подбегает и бросается перед Данчичем на колени. Прижимается к нему лицом).*

ДАНЧИЧ

Неужели вы не чувствовали, не догадывались, кем вы были для меня? Вы, сообщник ее грядущего святого бесстыдства, ее святого дерзновения, от которого потом, в ее памяти остался бы только голубой душистый дымок?.. Конечно, вы не могли бы никогда стать ей равным. Какой союз мог бы народиться между вами? . . Только мимолетность, случайное опылеиие цветов . . . Вот что прошло мимо вас . . . и мимо нее. Теперь вы поняли, как вы виноваты?

ВОЛОДЯ

(Рыдая). Спасите, спасите меня.

ДАНЧИЧ

Вас нельзя, невозможно спасти.

БОЛОДЯ

Капитон Капитонович. Я погибну. Я покончу с собой. Если правда, если возможно то, что говорил Кедров . . .

ДАНЧИЧ

Это — ее свобода. Об этом, мы не имеем права говорить.

ВОЛОДЯ

Но что-же делать, что делать?

ДАНЧИЧ

(Сухо). Встаньте. Я не знаю . . . Я устал.

ВОЛОДЯ

(Поднимается, как приговоренный к смерти). Выхода нет . . . Надо решить . . . Да, я решил *(начинает ходить по комнате, останавливаясь в разных концах).* Да, да, только это *(неожиданно весь светлеет).* А если Кедров ошибся? . . Боже мой! . . Леда! . . Конечно же это невозможно . . . Леда! Недосягаемая святыня! Этого никогда не будет. Вы ошибаетесь, все, все! *(Смотрит на Данчича, восторженно смеется).* Леда смется над вами . . .

Она дурачится, шутит . . . Боже мой, как я мог усумниться . . . Капитон Капитонович *(останавливается перед Данчичем, погруженным в глубочайшую задумчивость, и убеждается в том, что Данчич ничего не слыхал. Весь сияя, хватается за голову и, как на крыльях, устремляется к выходу через арку).*

ДАНЧИЧ

(После очень долгой паузы все растущего напряжения мысли). Да, это неизбежно . . . Может быть, сегодня . . . Так надо. Она идет ко мне *(выражение его глаз меняется, как будто он видит далеко впереди себя сноп ослепительного счастья. Новая пауза. Отдаленный звук звонка. Данчич вздрагивает в испуге, прислушивается, встает и, почти крадучись, уходит в дверь справа).*

В пролете арки появляются Леда в манто и шляпке и Володя в фуражке. У него блаженно-перепуганное лицо. Леда, сбросив манто, снимает шляпку и вдруг, с удивлением, замечает Володю.

ЛЕДА

Что вам надо?

ВОЛОДЯ

Мы встретились в под'езде. Вы поздоровались со мной, я думал . . .

ЛЕДА

Разве я поздоровалась? . . я не помню . . . Ну, в чем же дело? . .

ВОЛОДЯ

Извините . . . Я думал, что мне можно зайти.

ЛЕДА

Конечно, можно. Вы же зашли. Вам нужно что-нибудь?

ВОЛОДЯ

(Укоризненно). Елена Александровна!

ЛЕДА

Мы о чем-то говорили . . . Вы что-то рассказывали? . . Почему вас совсем не видно, Володя? Снимите фуражку, положите ее куда-нибудь *(идет к столику, садится, задумывается. Володя стоит посреди комнаты с фуражкой).* Да, кстати, вы только что выходили от нас . . . У Данчича, кажется, гости?

ВОЛОДЯ

Старая компания. Русанов, Гемба . . .

ЛЕДА

И, конечно, Кедров. Значит на всю ночь . . . *(снова задумывается).*

ВОЛОДЯ

(Смотрит на нее исступленно). Леда! . . Я знаю, что вы навсегда ушли от меня . . . Что вы даже не захотите помнить моих слов . . . Но я скажу вам . . . Сегодня случилось . . . Я уверовал окончательно . . . Я уже не мальчик . . . Я уверовал окончательно в вас и в свою любовь . . . *(видя ее нетерпеливое движение).* О, выслушайте, выслушайте меня, позвольте мне говорить . . . Нигде на свете нет такой женщины, как вы, может быть и не было никогда. И нигде на свете нет другого Володи, который, бы так молился на вас . . . Вам не нужна моя молитва, вы — подлинная святыня, не ждущая даров . . . Но я молюсь и буду молиться вам всю жизнь . . . Я никогда не осмелюсь больше мечтать о вас, раз вы отошли, отвернулись от меня . . . *(сквозь слезы, молитвенно опускаясь на колени)* но позвольте мне, в последний раз прошу вашей милости, не гоните меня сейчас, позвольте проститься с вами и поблагодарить вас за то огромное счастье, которое вы мне дали . . . вашей ласковой добротой . . . О, никто не

понимает, никто не хочет понять капризов и шуток богини, спускающейся до простых, обыкновенных людей . . . Никто не способен оценить их, как я . . . *(плачет)*. Позвольте, позвольте мне *(ползет на коленях)* в последний раз... *(хочет поцеловать край ее одежды)*.

ЛЕДА

(В ужасе отстраняя его): Нет, нет, нет . . . Не надо, не надо!

ВОЛОДЯ

Вы презираете меня.

ЛЕДА

Встаньте, встаньте скорей, отойдите от меня *(отодвигается, подбирает платье, и вдруг склоняется головой на стол)*.

Володя медленно встает и пристально, с мучительным недоумением, всматривается в нее.

ВОЛОДЯ

Леда! Что с вами?

ЛЕДА

(Поднимая голову): Вы не понимаете, не догадываетесь? . . Вам не противно за те высокие молитвенные слова, которые вы произнесли . . .

Я хотела остановить вас сразу, но потом мне показалось приятно . . . послушать . . . слова молитвы . . . мне . . . мне, такой, как я . . .

ВОЛОДЯ

(В мертвенном ужасе). Леда . . . Что это? . . Леда!

ЛЕДА

Я грязная . . . Понимаете вы наконец! Грязная, поганая, как из грязной канавы . . . Я — гадина, падаль . . . Отойдите дальше от меня . . . Вашу богиню протащили за ноги лицом по навозным лужам . . . Поняли вы?

ВОЛОДЯ

Я не могу . . . У меня остановилось сердце. *(С криком бросается к ней).* Леда!

ЛЕДА

(Холодно). Нет, нет, не прикасайтесь ко мне. Поймите же наконец . . . Я вам все сказала. Вы должны сейчас же уйти.

ВОЛОДЯ

(Смотрит на нее долго). Да, вот что . . . Ага . . . Так . . . Значит Кедров прав . . . Значит все . . . все, как подобает. А-а-а . . . Какая гадость! . . Какая подлость! . . Так

надругаться! . . Как могли вы? Это значит, я . . . Значит мне . . . Да знаете ли вы, что вы со мною сделали! Вы казнили, четвертовали меня! Вы растоптали самое драгоценное, что было у меня в душе! Ведь я гордился вами, как поэт гордиться творением своим. У меня никогда не было своих слов, не было даже своих мыслей рядом с вами . . . Вы, вы были ими, моими словами, моими мыслями, моею мечтою, моим небом. Вы, единственная, не похожая ни на кого. Боже мой! Так надругаться! *(Ходит большими шагами, вдруг останавливается перед Ледой).* Скажите же мне теперь, скажите сами, что мне делать с собою?

ЛЕДА

Володя . . . Вы не должны меня спрашивать . . . Вы говорите о себе, о своем страдании . . . А я? Вы забыли . . .

ВОЛОДЯ

(Кричит). Вы, вы! Какое мне дело до вас! Вас нет теперь! . . Слышите вы . . . Я проклинаю вас! . . Я растопчу вашу память, как вы растоптали меня . . . Я буду трепать ее по кабакам, по вертепам, по публичным домам . . . Слышите вы! . . Девка! . . Я плюю на вас. *(Быстро уходит).*

Оцепеневшая Леда смотрит ему в след почти с восторгом. Потом опускается в кресло и начинает смеяться со слезами нежности и умиления.

ЛЕДА

Мальчишечка . . . бедный . . . милый . . . Прости меня . . . Я не виновата перед тобой . . . Я забыла о тебе . . . Боже мой, мальчик, ушел, не увижу никогда . . . *(вспоминает с ужасом)* Девка! . . Да, девка . . . *(стонет, останавливает взор на оставшихся после Кедрова и Данчича бокалах, брезгливо отодвигает их)* самая обыкновенная, в кабаке . . . Данчич! *(с ужасом отстраняется от портрета Данчича)*. Нет, нет, нет, нет . . . Он не должен знать. Никогда. Значит лгать всю жизнь? . . Не могу, не могу, не хочу, не буду. *(Портрету):* Научи же меня, услышь меня, пойми . . . А-а-а . . . Тебя нет! Ты не слышиш, не чувствуешь . . . Где же ты? Отчего не удержал, не помог? . . Жена, твоя жена — маленькая, ничтожная тварь, заплеванная, опоганенная, как все. *(Гордо):* Нет! . . Нет, нет, нет . . . Хочу спастись! Хочу! Спасусь! Боже! Ты простишь меня *(сползает на пол, обратив лицо почти к зрителю и вверх)*, я не хотела . . . Я не знала . . . Я верну себя Тебе. Возьми меня, возьми мое тело, возьми мою душу, возьми, возьми, возьми, возьми . . .

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ IV

Декорация II и III действия. Щели между портьерами, закрывающими большое окно над ложем, ярко-желтые, дневные. Тишина. В дверь справа стучат. Еще и еще раз.

ГОЛОС ДАНЧИЧА

Леда! *(Пауза).* Леда! *(Пауза).* Леда!

Дверь отворяется. Данчич входит, с удивлением видит полумрак от портьер, раздвигает их, распахивает половинки окна в сад, отчего комнату сразу заливает яркий солнечный свет.

ДАНЧИЧ.

(Стоя посреди комнаты). Леда! пора вставать. Первый час. Леда!

Пауза. На лице Данчича беспокойство. Медленно подходит к алькову, слушает, тихонько приоткрывает занавес. Вдруг отшатывается от ударившаго ему в лицо душного аромата цветов. Сначала не видит Леды, потом, всмотревшись, с легким криком бросается в альков. Слышны его возгласы: „Что это? Что это? Леда, проснись же, Леда!“ *Появляется в разрезе занавеса с мертвенно-неподвижным лицом.*

ДАНЧИЧ

Умерла? . . Нет, нет, не надо . . . Это неправда. Я не хочу . . . *(Пробует вернуться в альков, вздрагивает, кричит):* Кедров, Кедров! *(Убегает в дверь с новыми криками):* „Кедров, вставайте, вставайте скорей.

Быстро возвращается с заспанным и взъерошенным Кедровым без пиджака и жилета, в подтяжках.

КЕДРОВ

Господи! Не может быть, вы ошиблись! Где же она?

ДАНЧИЧ

(Указывая на альков). Там, на кровати.

КЕДРОВ

(Тянет его за руку). Так скорее же.

ДАНЧИЧ

Я боюсь . . . не могу . . . Если это правда, я умру. Я знаю: в ту же минуту.

КЕДРОВ

(В слезах). Капитон Капитоныч! Родной мой! Мужайтесь! Бог даст, вы ошиблись. Я не могу поверить... Ну, голубчик мой дорогой... Ну, стойте здесь . . . Я один, я сам *(вбегает в альков)* . . . Елена Александровна, Елена

Александровна . . . Слышите, Елена Александровна, Леда, Леда же . . . Боже мой! Дыханіе . . . есть или нет! Господи, не разберу ничего . . . Теплая как будто . . . Господи, молю Тебя, услышь Твоего раба! Вот даю обет — в монастырь уйду, всю жизнь, всю жизнь буду славить имя Твое, только отврати! . . Капитон Капитоныч! Да иди же ты сюда! . . Да что же это ты меня одного . . . *(стоявший, как изваяние Данчич, медленно проходит в альков).* Вот здесь, приложите ухо, слушайте . . . Темнота ужасная . . . Глаз бы посмотреть, или зеркало к губам . . .

ДАНЧИЧ

Я ничего не слышу . . . *(тревожно-радостно вскрикивает):* Да она же теплая совсем.

КЕДРОВ

(В слезах). Теплая, теплая, значит живая, в обмороке . . . Тогда помощь скорей . . . Что же сперва? . . Цветы все эти вон. Помогайте, выбрасывайте их *(вместе с Данчичем выбрасывают целые охабки цветов).*

ДАНЧИЧ

Олеандры, туберозы, лилии, как много . . . Она отравилась цветами. Хотя нет, это, кажется, не бывает. Доктора, доктора скорей! . .

КЕДРОВ

Гемба же здесь. Надо его разбудить, и по телефону позвонить Авербуху . . . Распахните занавес пошире. Я сейчас, сейчас *(убегает)*.

Данчич сначала распахивает занавес, патом падает на колени перед кроватью, на которой видна Леда среди остатков цветов в тонком пеньюаре.

ДАНЧИЧ

(Целуя руки, прикладывая ухо к сердцу и губам Леды) Леда! Очнись! Леда! Девочка моя! *(Слышен голос Кедрова, ведущего Гембу:* „Скорей, скорей, профессор, ах ты, Господи, капун какой").

Появляется Кедров, тащит Гембу, растерявшагося до невменяемости.

ГЕМБА

Отравилась? Каким ядом? А доза какая? И по какому поводу?

КЕДРОВ

Не мели вздор. Посмотри, послушай сердце... Капитон Капитоныч, встань на минутку, пропусти его. *(Гемба слушает сердце)*.

ГЕМБА

Я ничего не слышу без трубки.

КЕДРОВ

Так достань трубку.

ГЕМБА

Я не ношу с собой, я психиатр.

КЕДРОВ

Психиатр, психиатр . . . Понимаеш же ты хоть что-нибудь... Господи, время уходит... Что она могла принять? . . Посмотреть хорошенько надо . . . Вот коробка какая-то . . . Капитон Капитоныч, тут порошки, вот бумажки валяются, много . . .

ДАНЧИЧ

Это морфий, мои порошки. Я принимал недавно, чтобы заснуть, во время зубной боли.

КЕДРОВ

Так ясно же: морфием, клянусь вам Богом. Какое противоядие, доктор?

ГЕМБА.

Я этого никогда в жизни не помнил. Надо в книжке посмотреть.

КЕДРОВ.

В книжке! А где книжка?.. Господи, Боже мой, звонили ли к Авербуху?.. Капитон Ка-

питоныч . . . с профессором не сговоришься, клянусь вам Богом. При мышьяке молоко дают. А тут иначе как-нибудь, да и приняла наверное давно, с вечера. Не топчись ты, старый чорт, ради Бога, на одном месте, и потряси же ты своими мозгами, Достоевский несчастный, ну хоть с'езди сам за кем-нибудь.

ГЕМБА

(Семеня ногами, идет к арке). Совершенно верно, я с'езжу, я за хирургом с'езжу, я сейчас, сейчас *(уходит).*

ДАНЧИЧ

(Радостно). Кедров. Посмотрите, она розовая, она жива, мне кажется, что ее нужно постараться разбудить, перенести на солнце, к окну.

КЕДРОВ

Да, да, клянусь вам Богом, перенесемте, родной.

Переносят Леду на ложе. Она лежит неподвижно, освещенная солнцем.

ДАНЧИЧ

(Наклоняясь). Она жива, она спит... Я верю, что она проснется... Верю... Все, все, только не ее смерть... Кедров, говорю тебе, одному тебе в целом свете, потому что ты велик в

своей любви к ней, что без нее меня нет, не было и не будет. Это мой единственный, непреложный факт — моя любовь к ней.

КЕДРОВ

(В слезах). Капитон Капитоныч, жива, верьте, верьте . . . Смотрите, веки дрожат от лучей, ротик открылся . . . Господи. Капитон Капитоныч. *(Плачет навзрыд, хочет поцеловать Данчичу руку).* За то, что мне сказал „ты". *(Данчич обнимает и целует его. Оба смотрят на Леду, не сводя глаз. Звонок).*

КЕДРОВ

(Сквозь слезы). Это Авербух или Гемба привез . . . *(убегает).*

Пауза. Шум. Голос Кедрова: „Не пущу. Молчать, милостивый Государь . . . Нельзя, не пущу." *Голос ЕГО:* „Пустите . . . Я вас заставлю . . . Вы не смеете . . ." *Сквозь арку влетают Кедров и ОН. ОН в элегантном летнем костюме. В руках Кедрова большой букет.*

КЕДРОВ

(Данчичу). Вот пришел. С букетом *(швыряет букет на пол).* Об'ясните ему.

Данчич, только что перед этим опустившийся на колени, с трудом отводит глаза от почти пришедшей в сознание Леды.

ОН

Pardon! Здравствуйте, Капитон Капитонович. Мы сговорились с Еленой Александровной *(не понимая происходящего)* . . . Извините, пожалуйста... Елена Александровна отдыхает? Этот господин осмелился . . .

КЕДРОВ

Тише вы, нахальный человек, говорят вам: тише.

ОН

Как вы сказали? . . .

КЕДРОВ

Тише, шопотом говори.

ОН

(Почти шопотом). Как вы смеете. Что случилось, Капитон Капитонович? Я совершенно отказываюсь понимать . . .

ДАНЧИЧ

Замолчите пожалуйста.

КЕДРОВ

(Придушенным голосом). Если ты не уйдеш отсюда, я тебе голову откручу.

ОН

Да вы не смейте так со мною разговаривать . . .
Я вам запрещаю наконец!

ДАНЧИЧ

Кедров, Кедров!

Леда открывает глаза. Кедров благоговейно делает шаг к ней, стараясь заслонить собою ЕГО, который все же выглядывает с устремленным на Леду, ничего не понимающим взором. Данчич притягивает к себе ее руки. Леда все острее и острее всматривается в НЕГО, и вдруг слабо вскрикивает и заслоняется рукой.

ЛЕДА

Сон, сон, не надо . . . *(Закрывает глаза).*

КЕДРОВ

Капитон Капитоныч! *(Крестит его).* Господь с вами. Я его сейчас. И никого не пущу.

Кедров окончательно заслоняет собою ЕГО и, наступая со страшным лицом и поднятыми руками, на цыпочках вытесняет ЕГО обратно за пределы арки. Еще несколько секунд — шопотом и знаками — уговаривает ЕГО покинуть квартиру Леды. Скрываются вместе.

ДАНЧИЧ

Леда! Девочка моя!

Леда открывает глаза, смотрит остро и как бы еще потусторонне на Данчича.

ЛЕДА

Сон, сон, все еще сон . . .

ДАНЧИЧ

Нет, нет, не сон, а жизнь . . . очнись же . . . Какое счастье! Что было с тобой? Я боюсь поверить . . . Ты хотела умереть? *(Леда смотрит на него неподвижно, как бы все еще не узнавая).*

ЛЕДА

(Тихо). Да.

ДАНЧИЧ

Не сказав мне, не об'яснив ничего?

ЛЕДА

Да.

ДАНЧИЧ

А теперь? . . Ты сожалеешь об этом? Ты хочешь жить?

ЛЕДА

Нет.

ДАНЧИЧ

(Встав с колен и отойдя на два шага, смотрит на нее. Пауза). Леда, ты знаешь, что мне безразличны факты, что мне не нужны слова. Я был бы совершенно спокоен, если бы умерли все люди и, если-бы каким-нибудь фантастическим образом я мог отойти от них вот так на два шага и посмотреть сразу в два миллиарда

закрытых глаз. Но . . . Я люблю тебя. Как ты могла решиться уйти, позабыв обо мне, не позвав меня за собой.

ЛЕДА

Я не смела думать о тебе.

ДАНЧИЧ

Ты? Не смела? Это твои слова? Леда! Что случилось? Какой ураган обрушился на тебя и придавил тебя? . . Твои глаза не сияют больше, в них уже нет солнца, нет лиловой дали небес . . . Леда! Опомнись, встань . . . Моя большая, моя гордая Леда! *(Пробует поднять ее. Леда садится на ложе с неподвижным взглядом).* Какое счастье, что я снова могу говорить с тобою! . . Скажи же мне, что обрушилось на тебя, скорее, скорее? Я верю, что твои признанья воскресят тебя.

ЛЕДА

Воскресят? . . Нет. Не воскресят красоты.

ДАНЧИЧ

Ты ошибаешься. Это ошибка. Это наверное ошибка.

ЛЕДА

Нет, не ошибка. Леда умерла, уже нет больше Леды. Есть обыкновенная, жалкая, маленькая

женщина . . . которой стыдно вспомнить, как она могла поддаться обману, которой жалко . . . жалко себя . . . И противно, до омерзения до ужаса *(закрывает глаза руками, качается, стонет, потом быстро встает с блистающими глазами)*. Капитон, еще вчера мне показалось, что я задыхаюсь от счастья, что оно переполняет меня, как аромат этих страшных цветов, что оно задушит меня не вознеся до вершины . . . Понимаешь, я боялась, что я умру не напоенная им до конца. Капитон! Вчера я увенчала свою любовь . . . Что было со мною? Это было не на земле . . . О, я расскажу тебе все, все . . . Ты умный, ты огромный, ты поймеш меня лучше, чем я сама . . . слушай . . . Я очнулась одна, я почувствовала пустоту рядом с собою, но мне все еще казалось, что я плыву среди розовых облаков . . . Я не знаю сколько протекло минут или часов пока я подняла голову и увидала . . . его. Капитон! Этот человек спал в кресле, без пиджака с отвисшей нижней губой. Какое у него было лицо! Какое лицо! . . Боже, Боже, эта сытая, жирная, отвалившаяся пиявка — моя любовь! В одно мгновение, я поняла все, весь ужас, весь обман. Я возненавидела жизнь, возненавидела себя, свою красоту . . . Мне стало стыдно . . . Ты теперь все понял, Капитон? . . И вот . . . Я опять у тебя . . . Отчего ты не дал мне умереть?

ДАНЧИЧ

Леда, моя прекрасная Леда, мое бедное оскорбленное дитя! *(Сажает ее рядом с собой на ложе, гладит волосы. Она тихонько плачет у него на плече).* Будь мужественной, остановись, не вспоминай, не думай . . . Ничего не было, ничего не случилось . . . Красота и правда неподвижны, слова и факты проходят мимо них, как призраки лжи. Леда! Я слышал и не слышал тебя. То, что ты говорила, было для меня лепетом обиженного ребенка. Ты уверуешь, уверуешь снова, ты будешь жить снова для красоты . . . Я люблю тебя . . . я люблю тебя . . .

ЛЕДА

(Глядя на него с возрастающим изумлением и восторгом). Капитон, я не понимаю . . . Мне кажется, что я ослышалась . . . Ты говоришь, что ты любишь меня, ты говоришь: снова жизнь ... А то, что случилось?

ДАНЧИЧ

Ушло, исчезло. Растаяло, как дым . . . Ты нетленная. Я буду близко, близко около тебя. Я буду сторожить тебя от ошибок. Я люблю тебя.

ЛЕДА

Боже! Я точно прозрела. Ты любишь меня . . . Как я могла пройти мимо твоей любви! . .

ДАНЧИЧ
Я всегда любил тебя.

ЛЕДА
Я не видела, не понимала, ты был так далек от меня.

ДАНЧИЧ
Я ждал тебя . . . Ждал твоей другой любви.

ЛЕДА
Капитон! Капитон! Если бы я знала! Ты спас меня, ты вернул мне жизнь. Я отдам ее тебе, Капитон! Ты недосягаемый для меня, ты великий, я никогда не смела подумать о тебе, как . . . Только сегодня, сейчас я поняла, что ты — мой единственный, мой навеки.

ДАНЧИЧ
(Радостно). Леда!

ЛЕДА
Моя любовь к тебе будет огромна, как моя вера в жизнь, вера в красоту. *(Берет руками края пеньюара).* Ты совлек с меня этот саван, саван людской пошлости, людского стыда, людского страха. Отныне моя красота и моя любовь будут сиять только для тебя *(Распахивает пеньюар, он падает на пол).*

ДАНЧИЧ
Леда! *(опускается перед обнаженной Ледой на колени и кланяется ей до земли).*

ЗАНАВЕС